



КАК-ТО нам рассказали анекдот, очень популярный среди медиков. Анекдот был такой. В больницу вбегает запыхавшийся молодой ассистент и наталкивается на заведующего отделением. «Простите за опоздание, — обращается ассистент к заведующему. — У моей жены ночью были трудные роды, и дела по хозяйству целиком легли на меня». «Разумеется, коллега, — отвечает заведующий, — я рад, что все окончилось благополучно, и прошу передать вашей жене мои поздравления». «С удовольствием, — просиял опоздавший ассистент, — моя жена — настоящий герой!» Через несколько недель молодой врач опаздывает снова и точно таким же образом объясняет опоздание. В этот раз заведующий удивленно поднимает брови, но сохраняет спокойствие, не доверяя своей памяти. Он во второй раз просит передать свои поздравления жене молодого врача. Когда же еще через несколько недель история повторяется в третий раз, разгневанный заведующий ядовито замечает: «Разве ваша жена крольчиха?» — «Нет, пан заведующий, она акушерка!»

Мы и не предполагали, что станем свидетелями подобной истории, но только в Африке.

Мы молча провожали глазами нашего садовника, который с печальным и торжественным лицом с достоинством шагал к двери. В руке он сжимал несколько сотен франков, только что полученных в счет ближайшей зарплаты. Деньги ему были нужны на дорогу. Он ехал на похо-

роны своего единственного и любимого дяди.

Это была действительно трагическая история. Дядя шагал по обочине шоссе вместе с группой односельчан, когда, подняв тучу пыли, мимо них пронесся автомобиль. Вслед за ним ехал

ЧЕТВЕРТАЯ СМЕРТЬ ДЯДИ

ИРЕНА и МАРЕК САНЕЦКИЕ

другой, водитель которого не заметил пешеходов и сбил несколько человек. Соплеменники отнесли дядю на руках в Линцоло, в миссионерский медицинский пункт. Там ему сделали все, что можно было сделать, но дядя, не приходя в сознание, умер. Это был превосходный человек. Садовник даже не успел попрощаться с ним перед смертью, а ведь он стольким был обязан своему дяде.

Мы знали, какую роль отводят дяде африканцы. Если муж приходит в дом жены и становится членом ее семьи, воспитатель детей — всегда дядя, брат матери. Отец добывает пищу и деньги, в то время как второй «отец», «патер», воспи-

тывает детей. Поэтому смерть дяди равнозначна смерти отца или опекуна. Несомненно, это большая потеря для нашего садовника.

Чтобы успеть до наступления ночи добраться до Ландамамбу, где жил дядя садовника, нужно было торопиться. И хотя от нашего дома до этой деревни было не больше 30 километров, ожидание попутного транспорта могло затянуться. Регулярных рейсовых автобусов не было, их заменяли маленькие грузовики в ужасном техническом состоянии. Пассажиры в кузове сбивались в плотный клубок, который, несмотря на дикую тесноту, пел, смеялся и кричал в упоении от скорости колмаги. Это было живописное зрелище, но чрезвычайно опасное для едущих и идущих по шоссе. Сидящие верхом на заднем борту кузова закрывали ногами нацарапанные мелом каракули, предостерегающие других водителей. «Внимание, нет фар!», «Внимание, нет указателей поворота», «Внимание, нет клаксона!» или «Внимание, нет тормозов!»

Садовник должен был вернуться послезавтра, когда кончатся похороны и поминки. Как только он вышел, мы сразу вспомнили анекдот о крольчихе и акушерке. Всего несколько недель назад наш садовник хоронил любимого дядю. Значит, либо нам изменяет память, либо здесь что-то не так. Мы решили, однако, больше к этому не возвращаться.

Но несколько недель спустя на пороге с печальной и торжественной миной снова появился садовник. Он вынужден снова попросить аванс, так как... И в третий раз принялся рассказывать о трагической судьбе своего дяди, сбитого на шоссе между Линцоло и Ландамамбу, возле хутора Коута. Принесенный односельчанами в миссионерскую больницу в Линцоло дядя умер так быстро, что наш садовник даже не успел с ним попрощаться...

Мы не знали, что ему сказать в ответ, но присутствие духа у рассказчика быстро вывело нас из создавшегося тупика. Он назвал нам сумму аванса, выяснил, полагается ли ему на этот

раз свободный день, и зашагал к шоссе ловить грузовичок, исполняющий обязанности автобуса. На третий день явился его брат и предложил нам свои услуги:

— Брат, к сожалению, не может вернуться, он женился и со вчерашнего дня живет с женой около Линцоло, — объяснил он.

Его мы охотно приняли на службу, но прежде спросили, как чувствует себя дядя.

— Дядя? Наш единственный дядя? Ах, какая это была трагедия для всех нас. Его сбил автомобиль на шоссе между Линцоло и Ландамамбу, а уже в Коута...

— Это мы знаем. Когда же все произошло? Позавчера, шесть недель назад или двенадцать недель?

Брат садовника от удивления вытаращил глаза:

— Нет, дядю сбило пять лет назад, на пасху.

На этот раз наши нервы не выдержали. Еще бы — его брат нас дурачил!

Его дядя, наверное, перевернулся в гробу от такого к себе отношения. Зачем что-то придумывать, если можно просто сказать: «У меня кончились деньги». За что он так невзлюбил своего дядю? Ведь семья, должно быть, достаточно многочисленна, и мы бы, конечно, не упомянули всех умерших родственников. Нужно только уметь лгать.

— Брат никогда бы так не поступил, потому что такая ложь очень опасна для лжеца, — уверял нас новый садовник. — Это была бы исключительно гнусная ложь, если бы он говорил о живом, как о мертвеце. Это гнусно и опасно, такая ложь всегда заканчивается смертью лжеца. Но брат не сделал ничего плохого, рассказав о том, что случилось на самом деле.

Наш ответ был краток:

— А три раза отпрашиваться на похороны одного и того же дяди порядочно? Три раза на похороны одной и той же особы в течение трех месяцев?

Садовник смотрел на нас с нескрываемым удивлением. Затем, запинаясь и заикаясь, он постарался объяснить нам поведение брата. Однако вскоре выяснилось, что обе стороны так и остались неудовлетворенными этим объяснением. Тогда он собрался с мыслями и сказал уже более вразумительно:

А ГДЕ ЖЕ КЛАД?

«Меня неотступно преследовала мысль о том, что все эти драгоценности будут похищены. Я не смог вынести мучительных пыток, терзавших мозг. Собрав самых верных слуг своих, я тайно за несколько ночей перетащил все сундуки из дома и спрятал их в заброшенном колодце».

Чтобы расшифровать наспех сделанную запись на полуистлевшем куске кожи, случайно обнаруженном во время земляных работ в небольшом городке Вани на юге Индии, понадобился месяц.

Эксперты установили, что запись относится к концу прошлого столетия, и предположили, что золотые, серебряные монеты, слитки стоимостью около 50 миллионов рупий так и остались до сих пор в заброшенном колодце.

Тщательно взвесив шансы на успех, правительство штата Махараштра, на территории которого расположен старинный Вани, снарядило на поиски клада экспедицию, в состав которой вошли известные индийские археологи.

«Охота за сокровищами» в Индии довольно популярна. За последние два десятка лет такие экспедиции предпринимались не раз. Искали в Агре, прежней столице Могольских императоров, в селениях Гуджарата, который столетия назад был крупным торговым центром, в Голконде, славившейся своими алмазными копиями.

— О каких похоронах здесь идет речь? Мы и не говорили ни о каких похоронах. Дядю похоронили пять лет назад, и довольно об этом. Мой брат приходил к вам три раза за последние четыре месяца просить аванс, потому что, как человек одинокий, он привык транжирить деньги. Что тут долго объяснять. Много денег уходило на женщин. Наверное, после женитьбы он остепенится. Но разве мог он прийти сюда и говорить только о деньгах? Конечно же, он должен был начать с чего-нибудь значительного в своей жизни. Он рассказал вам о дяде. Брат говорил мне, что его рассказ произвел на вас сильное впечатление. Доказательство тому — свободный день, который вы предоставили ему за это. Так как вам эта тема понравилась, то, когда ему снова понадобились деньги, он снова начал рассказывать о судьбе дяди — свободный день был наградой за его рассказ... Когда я собирался ехать к вам, брат мне сказал, что когда мне будет что-нибудь нужно, то я не должен говорить об этом не к месту. Разговор следует начинать с серьезной темы, которая могла бы вас заинтересовать и

послужила бы вступлением к основной беседе. Он советовал мне, чтобы я всегда начинал со смерти дяди, потому что эта тема вам особенно нравится. А про это я рассказываю лучше, чем он. Все так говорят в нашей деревне!

С братом садовника мы договорились, что, когда он начнет свое вступление к какой-либо салонной беседе, он всегда будет уточнять время события. Ситуация выглядела бы совсем иначе, если бы его брат начал рассказ так: «Пять лет назад, когда автомобиль сбил дядю...» и так далее. Мы бы тогда не посылали его три раза на похороны. То, что он исключительно по нашей инициативе отпрашивался хоронить дядю, было абсолютной правдой. Мы считали, что он должен так поступить. Сам же он о похоронах никогда не вспоминал. Но когда он говорил о своем дяде, то был так печален и взволнован, будто несчастный случай произошел вчера, а не пять лет назад. Позднее благодаря нашей решительности мы предупредили четвертую смерть дяди-покойника.

Перевел с польского
В. Андрушов